

УДК 008:303.446.4

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОБЩЕСТВА ЗАПАДНОГО КАВКАЗА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Белозёрова Марина Витальевна, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр РАН (г. Сочи, РФ). E-mail: mbelozerowa@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые проблемы исследования развития общества адыгов/черкесов Западного Кавказа. Начиная с 1990-х годов в региональной историографии прослеживается стремление к смене методологических парадигм. Оно характеризуется попытками включения народов Западного Кавказа в кавказскую цивилизацию, использованием цивилизационного подхода в исследовании общественных отношений и истории, в ряде случаев отказом от формационного подхода в изучении развития общества.

На этой основе осуществляются попытки переоценки взглядов дореволюционных и советских исследователей на этносоциальное, политическое, экономическое и культурное развитие черкесов/адыгов и автохтонных народов Причерноморья, что ведет к моделированию социальных связей и институтов, существование которых сложно подтвердить, введению новых научных категорий без раскрытия их содержания. Высказываемые суждения приобретают в большей степени декларативный характер, ориентированный на историческое обоснование этнической самоидентификации, имеют определенную политизацию.

Предлагаемая проблематика рассматривается на основе анализа советской и региональной историографии проблемы, историографических источников XIX века и воспоминаний русских офицеров – участников Русско-Кавказской войны XIX века, зафиксировавших сведения о состоянии общества адыгов/черкесов Западного Кавказа, включая автохтонные народы Причерноморья.

Ключевые слова: региональная историография Западного Кавказа, цивилизационный и формационный подходы, адыги, черкесы, Причерноморье.

THE CIVILIZATIONAL APPROACH IN THE WESTERN CAUCASUS SOCIETY STUDY: METHODOLOGICAL ASPECT

Belozeroва Marina Vitalyevna, Dr of Historical Sciences, Associate Professor, Sr. Researcher of Laboratory of Ethno-social Problems, Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation). E-mail: mbelozerowa@mail.ru

Some regional historiography problems of the Western Caucasus, Adyghe/Cherkess, social development study are considered in the article. The desire to change methodological paradigms is evident in these studies since the 1990s. It is characterized by attempts to include the peoples of the Western Caucasus in the Caucasian civilization, civilizational approach in the study of social relations and history using, the rejection of the formational approach in the social development study in some cases.

Attempts of the revaluation of the pre-revolutionary and Soviet researchers views on Cherkess/Adyghe and the Black Sea native's ethno-social, political, economic and cultural development are carried out on this basis. This leads to the modeling of social connections and institutions, the existence of which is difficult to confirm, the introduction of new scientific categories without disclosing their content. The expressed opinions are politicized. Adyghe/Cherkess society is considered as formed society in regional historiography. This society had social and economic development unique features; autochthonous peoples (Abadzekhs, Shapsugs, Natukhai) "pre-industrial agricultural civilization" had developed on the Black Sea Coast; their nature

management traditional forms (culture, livelihood) are unique and have civilizational significance and ethnic specificity; Cherkess tribes had the state institutions formation experience and “Cherkess” was a state entity; “the Cherkess Mejlis (created in 1861) was an an institution of state power; the political “consolidation” and “united state formation processes were based on the society” democratization during the XVIII-XIX centuries; They acquire to a greater extent declarative in nature, focused on the ethnic identity of historical justification.

This issue is considered on the basis of: a) historiographical sources of the XIX century analysis in the regional Soviet and Russian historiography and officers-participants of the Russian-Caucasian war of the XIX century memories, containing information about the Western Caucasus Cherkess/Adyghe social system.

Keywords: Regional historiography of the Western Caucasus, civilizational and formational approaches, Adyghe, Cherkess, Black Sea Coast.

Появившееся в западно-европейской литературе середины XVIII века понятие «цивилизация» получило распространение прежде всего в философии. Не углубляясь в тонкости философских и культурологических исследований этой проблематики, отметим, что в широком смысле в это понятие вкладывался смысл развития духовной и материальной культуры общества, пришедшего на смену «варварству». В настоящее время понятие «цивилизация» практически повсеместно употребляется в науке и публицистике. Слово «цивилизация» (от лат. *civilis*) входит в единое семантическое поле со словами «государственный, городской, гражданский, политический» и употребляется в нескольких значениях: как синоним понятия «культура»; как тип общества, отличающийся от дикости и варварства общественным разделением труда, письменностью и развитой системой государственно-правовых отношений; тип общества с характерной только для него материальной и духовной культурой. Используя последнюю трактовку, исследователи рассматривают «цивилизацию», с одной стороны, как отдельное общество, а, с другой – как стадию зародившегося в древности и продолжающегося в настоящее время развития общества.

Цивилизационный подход, сформированный на основе рассмотренного выше понятия, в настоящее время широко применяется в исследованиях истории развития общества. В рамках цивилизационного подхода из всех сложившихся теорий, первоочередное внимание уделяется теории локальных цивилизаций. Согласно последней исторически сложившиеся общности занимают определенную территорию и имеют свои особенности социально-экономического и культурного развития.

В региональной историографии большое внимание уделяется так называемой «кавказской цивилизации». Под ней понимают конгломерат локальных и взаимопроникающих культур, возникших в эпоху Средневековья как «государственные образования... с политическими структурами» и способствовавших «сохранению и воспроизводству уникально-самобытных этнокультурных очагов кавказской цивилизации (Урарту, Хеттское государство, Колхида, Абхазское царство, Алания, Кабарда и др.)» [9]. Аргументом выступает и то, что на Кавказе сохранились «кавказский тип культуры, антропологический тип населения... самобытность, культура, психология и нравственность (нормы обычного права, которые господствовали в жизнедеятельности народов, институты аталычества... развил механизмы некровного межэтнического родства и куначества)» [9]. К кавказской цивилизации относят, прежде всего, закавказские государства – Грузию, Армению, Азербайджан, а также регионы Северного Кавказа. В кавказскую цивилизацию включаются и регионы Западного Кавказа – территориально: от Причерноморья вплоть до реки Лабы, ее носители – предки адыгейцев, алан, «горные автохтонные народы» (шапсуги, натухайцы, убыхи, абадзехи и др.).

Анализ работ региональных исследователей Западного Кавказа выявил ряд тенденций. Прежде всего следует отметить, что начиная с 1990-х годов, в исследованиях развития общества адыгов/черкесов и автохтонных народов Причерноморья прослеживается стремление к смене научных парадигм. Оно характеризуется попытками не только включения народов Западного Кавказа в кавказскую цивилизацию, но и использованием, с одной стороны, цивилизационного подхода в исследовании общественных отношений и

истории. С другой – критикой, а в ряде случаев отказом от формационного подхода в изучении развития общества. В региональной историографии установилась точка зрения, что формационный подход – это своеобразная «идеологическая установка», характерная для советской историографии, использовавшей «унифицированные схемы советского времени» или имперские «великодержавные идеологические доктрины» [17]. На этой основе осуществляются попытки переоценки взглядов советских исследователей на этносоциальное, политическое, экономическое и культурное развитие черкесов/адыгов и автохтонных народов Причерноморья [4].

С точки зрения В. Черноуса, в современном кавказоведении сложился методологический кризис. Он осложнен политизацией гуманитарного знания и характеризуется, во-первых, тем, что «историческое познание превращается в когнитивное поле многообразных мнений... а историческая реальность растворяется во множестве индивидуальных смысловых миров и значений», а, во-вторых, «попытками подвести исторический и культурологический фундамент под геополитические проекты и соответствующее им конструирование новых идентичностей» [18].

Приведенные нами точки зрения актуализируют проблематику, связанную с выбором методологических подходов в исследовании общества. Она в большей степени разработана в историографии закавказских государств (Грузия, Армения, Азербайджан) и Северного Кавказа, в частности Дагестана.

Предлагаем рассмотреть ситуацию, сложившуюся в региональной историографии исследования общества и истории Западного Кавказа, на основе анализа историографии проблемы, историографических источников XIX века и воспоминаний русских офицеров – участников Русско-Кавказской войны XIX века, зафиксировавших сведения о состоянии общества горских племен (западных адыгов/черкесов: абадзехов, шапсугов, натухайцев, убыхов и др.) Западного Кавказа.

Региональная историография в основном охватывает XIX столетие, углубляя хронологические рамки до XVII века «Архаизмам» традиционной социальной организации в «советский» период и ее роли в современных этнических процессах, как правило, в ней уделяется не так

много места. Сужение хронологических рамок в историографии по Западному Кавказу до второй половины XIX века во многом связывается с «переломным периодом» в истории черкесского/адыгского народа. Ход Русско-Кавказской войны и ее политические последствия рассматриваются большинством исследователей как детерминирующие факторы кардинальных изменений в исторических судьбах населяющих этот район народов и в проявившейся трансформации традиционных социальных институтов [4].

Как мы уже отметили выше, в региональной историографии развития общества и истории Западного Кавказа отмечается устойчивая тенденция его включения в кавказскую цивилизацию как «некой цивилизационной целостности» на основе декларации цивилизационного подхода, цивилизационных парадигм. В предлагаемом контексте исследования советских историков рассматриваются в качестве «тупиковых попыток» «подогнать самобытные отношения у горских народов Кавказа под стереотипы и штампы, выработанные на основе изучения явлений западноевропейской и российской истории» [12].

Рассмотрим некоторые сюжеты, поднимаемые в региональной историографии. Внимание исследователей прежде всего акцентируется на адыгском обществе (вариант: шапсугское, убыхское и т. д.) как сформировавшейся общности, населявшей определенную территорию и имевшей уникальные особенности социально-экономического развития. На этом основании выстраиваются концепции.

Так, оригинальную идею выдвинул исследователь А. Х. Бижев, утверждавший без каких-либо аргументов, что у абадзехов, шапсугов и натухайцев (адыгские субэтноты) Причерноморья сложилась «доиндустриально-земледельческая цивилизация» (см. [19]).

Другой исследователь, М. Ю. Хаширов, успеши в хозяйственной деятельности, под которыми он понимает «интенсивность земледелия, животноводства, ремесла и домашних промыслов» у народов «с демократическими формами правления» (особо выделяя шапсугов), проживавших в горной местности, связывает «с демократизацией их политического устройства, освобождением крестьян от феодального гнета», что, по его мнению, создало «благоприятные условия для

обеспечения благосостояния народных масс» и «достижения в хозяйственной деятельности... были настолько существенными, что их продукты земледелия, животноводства и ремесленного производства имели повышенный спрос у русских переселенцев» [17]. В то же время эти высказывания противоречат другим рассуждениям автора, в частности, о заинтересованности «крестьян демократических народов... получать из России товары повседневного спроса: орудия труда, ткани, посуду, соль и т. д.» [17]. То есть, имея достижения в хозяйственной деятельности и народном благосостоянии в целом, горские племена не производили сами ни орудия труда, ни посуду. Далее автор делает вывод, что Россия для большинства крестьян горских племен была «удобнейшим» торговым партнером. С Османской же империей имели возможность торговать только зажиточные люди, составлявшие незначительное число. Аргументируется это тем, что из Турции адыгам поставлялись оружие и предметы роскоши, то есть товары, «не столь нужные земледельцам» в обмен на «живой товар» (то есть рабов, как соплеменников, так и инородцев, захваченных в набегах на соседние племена и пограничные российские станции и села [1; 3]).

Анализ мемуаров российских офицеров, служивших на западно-кавказском театре военных действий и работ военных историков XIX века показывает, во-первых, что народы Причерноморья ни политически, ни экономически не подчинялись султану Турции, признавая его лишь как единоверца-мусульманина. Они не платили ему податей, не поставляли солдат, не допускали его вмешательства во внутренние и внешние дела. Даже несколько построенных крепостей и гарнизоны, расположенные в них, горцы «терпели... по праву единоверия» [15]. Такая ситуация существовала еще до подписания Адрианопольского трактата 1829 года между Россией и Турцией, согласно которому Порты отказывалась в пользу России от всего восточного берега Черного моря, уступив «черкесские земли» от границы Абхазии вплоть до Кубани, уже в 1830 году Причерноморье перешло к России. Во-вторых, согласно воспоминаниям Ф. Ф. Торнау, в 1830-х годах осуществлявшего разведывательные операции на Западном Кавказе и находившимся в плену у горцев, эти племена активно вели торговлю с Турцией. Из Османской империи поставлялись товары первой необходи-

мости, соль, военные припасы в обмен на женщин и мальчиков. В своих воспоминаниях он останавливается на подробностях быта и жизни черкесов и приходит к следующим выводам. Постоянные военные стычки черкесских племен между собой, войны с крымскими татарами, а затем с русскими не позволили черкесам достичь какого-либо благосостояния в быту и успехов в гражданском устройстве. Он отмечает достижения только в военном деле и вооружении. Так как только это позволяло бороться с иноплемениками (русскими), отстаивать свою независимость. Их ненависть, особенно к русским, доходила «почти до безумия», усиленная «религиозным фанатизмом», отмечает Ф. Ф. Торнау [15, с. 148].

В региональной историографии распространена точка зрения об уникальности и цивилизационной значимости традиционных форм природопользования адыгов/черкесов Причерноморья (культура жизнеобеспечения, успехи в хозяйственной деятельности), которые, по мнению ряда исследователей, имели четко выраженную этническую специфику [5, с. 249–250]. Однако, основываясь на анализе описаний путешественников, посетивших этот район, и материалов комплексных обследований региона, отмечается определенная универсальность, характерная для горных районов. В качестве примера можно привести материалы топографической съемки 1865 года комиссии Н. Н. Муравьева-Карсского (см. [8]), отразившие земледельческую детерминанту в комплексе хозяйства автохтонного населения (шапсугов, натухайцев, убыхов), его интеграцию в лесные ландшафты, необходимость перманентных агротехнических мер для сохранения сельскохозяйственных угодий от зарастания и потравы дикими животными. Удельный вес земледелия снижался в зависимости от вертикальной зональности. Наличие высокогорных пастбищ усиливало роль животноводства. Устройство лесозащитных полос от туманов и холодных потоков воздуха, спускающихся по ущельям ночью, универсальная для горных лесов локализация и размеры пашни (0,3–0,5 га, максимум 1,0–2,0 га), технология искусственного террасирования склонов и обработки почвы (ручная или при помощи легкого пахотного орудия – рало – и пары быков и буйволов) были аналогичны с другими районами Кавказа и Средиземноморья – Имеретией, Абхазией, Турцией. Во многом это было связано с системой непре-

рывных торговых связей с этими районами [14, с. 51–52, 53, 59; 15]. Это касается и садоводства, продукты которого имели товарную значимость особенно в неурожайные годы [2; 14, с. 16, 17, 22]. Источники отражают, что часть урожая обменивалась на зерно у жителей предгорных районов, часть экспортировалась в Турцию [10, с. 38–39]. То есть утверждения об уникальности вклада черкесов в земледелие и садоводство, их этнической константе не достаточно аргументированы. Скорее речь может идти об «успехах адаптации традиционных форм экономики адыгов/черкесов к ландшафтному своеобразию Западного Кавказа на основе системы межэтнических коммуникаций и обмене технологиями, сортами, породами скота, товарной продукцией [13, с. 23].

Не менее важный вопрос, поднимаемый в региональной историографии – это проблема государственности у адыгов/черкесов. Как мы уже отмечали «кавказская цивилизация» рассматривается как конгломерат локальных и взаимопроницающих культур, возникших как государственные образования и имеющих политические структуры. В данном случае речь идет о таком «государственном образовании», как «Черкесия»/«Западная Черкесия» (в некоторых случаях «Убыхия»).

Адыгскими исследователями «поступательный» процесс «государственной и политической консолидации западных адыгов» (абадзехов, шапсугов, натухайцев в Причерноморье) относится к концу XVIII века – середине 60-х годов XIX века. Он был вызван как внутренними, так и внешними факторами. А. Ю. Чирг, исследовавший этот процесс в 1990-е – начале 2000-х годов, считает, что в конце XVIII века произошел «общественно-политический переворот». Его суть заключалась в том, что «усилившиеся тфоколи (свободные крестьяне)... оттеснили феодальную знать от управления обществом и установили демократическое политическое устройство». Он не был: 1) следствием перехода «адыгов от родовых отношений к классовым (точка зрения М. В. Покровского и М. М. Блиева) и 2) результатом классовой борьбы крестьян против феодалов (точка зрения Л. И. Лаврова и В. К. Гарданова). По мнению А. Ю. Чирга, при «централизации Западной Черкесии» проявилось две тенденции: централизация «сверху» и централизация «снизу». Под первой он понимает стремление владельных

князей объединить адыгов под властью «одного монарха», под второй – попытку создания «единого государства на основе демократизации общества» с преобладанием «светского характера... над религиозным (исламским)» [19].

Следствием этих явлений стало деление адыгских субэтносов. На «аристократические», в которых сохранялось княжеское управление. А. Ю. Чирг характеризует его как сословно-представительскую монархию. Эти адыгские субэтносы до русско-турецкой войны 1828–1829 годов и подписания Адрианопольского мирного договора оставались «политически независимыми государственными образованиями», затем «признавшими свою политическую зависимость от Российской империи». И на «демократические» (абадзехи, шапсуги, натухайцы Причерноморья), у которых установилось «демократическое управление» с важной ролью народных собраний. Эти племена отказались признать Адрианопольский договор. После присоединения Западного Кавказа к России основным фактором для этих племен стал внешнеполитический – борьба с Россией [19]. Однако здесь следует отметить противоречие: включение в состав Российской империи этого региона свидетельствует все-таки о внутренних факторах как этой борьбы, так и возможной трансформации общественно-политических отношений адыгов/черкесов.

Следующий этап, по выражению А. Ю. Чирга, «развития государственности» в среде причерноморских племен относился к 1830–1840-м годам. 1834 год – заключение военно-политического союза племен. 1841 год – принятие союзного договора – дефтера – с попыткой введения единых религиозных и гражданских правил и противостояния России на собрании представителей племен на р. Пшехе. 1848–1849 годы – попытки создания административно-судебной системы, «конфедерации» племен и административного управления. Последнее выстраивалось по территориальному принципу: территория делилась на участки по 100 дворов, находившихся в каждой долине (псухо), которыми управляли выборные старшины. Руководящим органом был совет старшин [19]. Исследователь акцентирует внимание на ряде моментов: нарушение решений дефтера в силу их рекомендательного характера, отсутствие органов исполнительной власти и механизмов исполнения

принятых решений, значительное иностранное влияние (Британии и Турции) на процесс объединения племен и попытки формирования «государственности». Отметим, что для части территории, заселенной «демократическими племенами», британцами был создан политоним «Черкесия». Для ряда же адыгских исследований и публицистов – это государство, хотя его существование не доказывается историческим фактом [4].

И, наконец, заключительный этап общественно-политического развития западных адыгов/черкесов относился к 1860-м годам, когда представителями прежде всего шапсугов и убыхов был сформирован «Меджлис черкесского народа» или «черкесский меджлис» (1861). В региональной историографии он однозначно рассматривается как «образование государственного типа», а факт его создания – как «яркий пример государственно-правового творчества адыгов» [19].

Н. Ф. Дубровин в своем фундаментальном труде «Кавказ и народы, его населяющие» [7], написанном в конце XIX века, большое внимание уделил общественным отношениям адыгов/черкесов. Он считал, что черкесское общество по большей части имело аристократический характер и делилось на сословия: князья (пши), уорки/вуорки (дворяне), оги (среднее сословие, находившееся в зависимости покровителей), пшитли (крестьяне), унаути (рабы).

Абадзехи, шапсуги, натухайцы и убыхи не имели сословия князей. Народ делился на самостоятельные отдельные общества – псухо или хабл, которые были самостоятельны и управлялись старшинами. Каждое псухо управлялось своим мирским сходом, на котором обсуждались и решались все вопросы, касавшиеся общины. Община – первая ступень политического устройства каждого народа.

Исследователь предположил существование у шапсугов и натухайцев сословия князей на основе наличия у них княжеских фамилий. Он полагал, что княжеский род пресекался. Общественное устройство у шапсугов, натухайцев, абадзехов было феодальным: выделялись дворяне (вуорки), вольные земледельцы (тфокотли), крестьяне (пшитли). Дворяне-вуорки занимали в обществе господствующее положение. Тфокотли составляли большинство народа, они были подчинены вуоркам. Крестьяне делились на две категории: оброчные – пользовались большей свободой,

имели более значительные права собственности и не отбывали тягостных повинностей; дворовые люди – всецело принадлежали владельцу.

Н. Ф. Дубровин излагал следующую версию событий, связанных с ослаблением дворян в среде причерноморских племен в конце XVIII века. Слой тфокотлей и пшитлей был многочисленнее дворян, народ все чаще стал оказывать последним сопротивление, в частности проявлявшееся на народных собраниях. На них перевес практически всегда был не у дворянства. Ни одна из сторон не хотела уступить, каждая старалась укрепить свои права. В конце XVIII века такая возможность представилась: шапсугские дворяне Шеретлуковы разграбили проезжих торговцев, убили их и их покровителей. Народные массы воспользовались этим для ослабления значения дворянского сословия, напав на одного из дворян Шеретлуковых со всеми вытекающими последствиями. Не останавливаясь на всех подробностях этих событий, отметим, что результатом стала разгоревшаяся междоусобная война, последствия которой, по свидетельству Н. Ф. Дубровина, сохранились в памяти у шапсугов вплоть до «покорения... [их] русскими». Значение дворянства ослабло, итоги войны были зафиксированы на съезде, известном как «печетнико-зефес» (1803), разграничившем права дворян и народа. С точки зрения историка, правила, составившие данное единственное на тот период времени «узаконение», были кратки, ясны и понятны для народа. Они использовались для решения всех дел, касавшихся сословных отношений. Дворяне сохранили некоторые свои права, оброчные крестьяне, воспользовавшись нейтральным отношением собрания к ним и дворянам, отказались повиноваться последним. Впоследствии натухайцы и абадзехи последовали примеру шапсугов, но без кровопролитных войн [7]. Таким образом, сословие крестьян шапсугов, натухайцев и абадзехов до некоторой степени изменило свой правовой статус в сторону расширения личных и имущественных прав.

У остальных племен Западного Кавказа (например, убыхов) крестьянские сословия находились в полной зависимости от дворянства. Они делились на огов (переходное состояние от крепостного состояния к сословию свободных земледельцев), унаутов (рабов, не имевших ни личных, ни имущественных прав), пшитлей (зависимого сословия, следующего за рабами, пользовались

некоторыми семейными и имущественными правами, произошли от купли, дара, наследства пленных или частично унаутов).

По мнению Н. Ф. Дубровина, гражданский и юридический быт черкесского народа был основан на: 1) праве собственности; 2) праве употребления оружия для каждого свободного человека; 3) родовых союзах «со взаимной обязанностью всех и каждого защищать друг друга, мстить за смерть, оскорбление и нарушение прав собственности всем за каждого, и ответственность перед чужими родовыми союзами за всех своих» [7, с. 226]. То есть исследователь приходит к выводу, что в отличие от «благоустроенных государств», правительство которых принимает на себя обязанность защиты своего населения от неприятельских вторжений, обеспечения спокойствия и внутренней безопасности, черкесское общество было сформировано и существовало на основе других правил. В обществе, в котором не существовало каких-либо административных учреждений, народ не признавал над собой ничьей власти, обеспечение внутренней безопасности лежало в осуществлении естественного права каждого члена общества защитить себя, свою семью, имущество, предупредить противника нападением.

То есть, с нашей точки зрения, говорить о государственности и государственных образованиях на территории Западного Кавказа в этот период времени, как и о «поступательном» процессе «государственной и политической консолидации западных адыгов», попытке создания «единого государства на основе демократизации общества» в достаточной степени затруднительно. Шла борьба феодальных сословий в рамках правового статуса: тфокотлей и пшитлей – за его расширение для своих сословий, вуорков – за сохранение своих привилегий. В ходе этой борьбы сословная иерархия, свойственная феодальной системе, не была изменена. Не были сформированы ни вертикаль власти, ни административные учреждения, ни социальные институты, присущие государственности. Сохранилась и племенная структура черкесского общества. И здесь следует согласиться с мнением советских исследователей Л. И. Лаврова и В. К. Гарданова [6] в том, что произошедшие изменения стали результатом классовой борьбы крестьян против феодалов.

Еще один вопрос, продолжающий тематику формирования государственности, в региональной историографии увязывается с «черкесским меджлисом» как «институтом государственной власти». Предполагалось, что он должен сосредоточить всю полноту власти – законодательную, исполнительную, судебную. Меджлисом была проведена административно-территориальная реформа – все территориальные общины Причерноморья разделены на 12 округов, в каждый определены муфтии, кади, заптие (запти), мухтары (старшины), их функции.

Советские историки и этнографы на основе формационного подхода исследовали внутренние и внешние факторы генезиса этого института. Так, Л. И. Лавров пришел к выводу, что его создание было связано с резким обострением классовых противоречий – племенной верхушки, рядовых общинников и мусульманского духовенства [11]. А. В. Фадеев считал, что детерминирующим фактором создания меджлиса был российский фактор (как военный, так и религиозный). Ислам стал объединительным фактором и противостоял христианству. Внешний фактор – иностранное вмешательство в социальные процессы населения Причерноморья. Английские, французские и турецкие эмиссары пропагандировали идею «черкесского суверенитета» и продолжения войны с Россией [20, с. 76–77]. При этом А. В. Фадеев акцентирует внимание на том, что административно-территориальная и политическая реформа не нанесла удар по родовой разобщенности и не подорвала влияние родовой и феодальной знати. В силу таких факторов, как разобщенность шапсугов и убыхов, неразвитость их общественных отношений, наличие патриархальных традиций и внутренних социальных противоречий меджлис стал только проектом социальной реформы [16, с. 175–176]. Тем не менее, с точки зрения советских исследователей, эти попытки имели историческое значение. Был сделан шаг по сравнению с конституцией имамата, поскольку меджлис как проектируемая политическая система носила светский характер.

Отметим также, что корпус источников, введенных в научный оборот представителями региональной историографии в 1990-е – начале 2000-х годов, к сожалению, не содержит информации, которая позволила бы сделать вывод о том,

что создание «черкесского меджлиса» однозначно свидетельствовало бы о завершающем этапе процесса этнической консолидации. В то же время реализуемый меджлисом проект социальной реформы, безусловно, имел высокую значимость в этнической истории субэтнотосов черкесов/адыгов Причерноморья как начальный этап формирования институтов государственной власти.

Подводя итоги, отметим, что региональная историография в основном охватывает XIX столетие, углубляя хронологические рамки до XVII века. На рассмотренных нами примерах можно проследить тенденцию по ревизии ранее исследованных дореволюционными и советскими историками и этнографами общественных и политических процессов, протекавших у адыгов/черкесов и автохтонных народов Причерноморья. Работы ряда современных региональных исследователей базируются на определенном круге источников и отсутствии письменных источников собственно адыгов/черкесов (Западный Кавказ), не имевших письменности. Зачастую анализ исторических (первичных) источников и фактов ими заменяется анализом вторичных – историографических (концепций и рабочих гипотез предшественников).

В качестве методологической базы таких исследований декларируются принципы цивилизационного подхода. Одновременно, как мы уже отмечали, прослеживается отход от формационного подхода, в рамках которого выработан категориально-понятийный аппарат, применяется системный подход, имеющий четко определенный алгоритм исследования. Это дает возможность изучать политические, экономические, социальные, культурные, этнические и конфессиональные процессы во взаимосвязи. Отторжение оце-

нок, сформированных на основе формационного и позитивистского подходов, ведет к моделированию социальных связей и институтов, существование которых сложно подтвердить. К примеру, таких как государственное образование «Черкессия», наличие государственности у племен Причерноморья, меджлис как «орган государственной власти» и др.

Отход от формационного подхода неизбежно ведет к отказу от выработанного понятийного аппарата и сложившихся в исторической науке концепций (социальная/классовая стратификация, антагонистические взаимоотношения классов/сословий, классовая природа государства и др.). В этом ряду и рассмотренная нами точка зрения на события конца XVIII века в среде шапсугов, натухайцев и абадзехов Причерноморья как на «общественно-политический переворот», в результате которого тфокотли (свободные крестьяне) «оттеснили феодальную знать от управления обществом и установили демократическое политическое устройство» при отрицании факта сословно-классовой борьбы.

Попытки базирования исследований на цивилизационном подходе обуславливают введение в региональную историографию новых научных категорий («доиндустриально-земледельческая цивилизация», «уникальность и цивилизационная значимость традиционных форм природопользования» адыгов/черкесов и др.), однако без раскрытия их содержания. В рамках цивилизационного подхода не рассматриваются и методы исследования. Как результат, высказанные суждения приобретают в большей степени декларативный характер, ориентированный на историческое обоснование этнической самоидентификации.

Литература

1. Белозёрова М. В. К проблеме российско-черкесского взаимодействия и формирования этнической идентичности: XIX – начало XXI века // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 32. – С. 26–33.
2. Белозёрова М. В. Некоторые аспекты хозяйственной адаптации переселенцев в Черноморском округе (XIX – первая треть XX столетия) // Экология древних и традиционных обществ. – Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2016. – Вып. 5, ч. 2. – 242 с.
3. Белозёрова М. В. Некоторые события Русско-Кавказской войны 1817–1864 годов в сети Интернет: мифы и реальность // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации. – Ростов н/Д.: ФГБОУ ВПО РГУПС, 2014. – С. 90–102.
4. Белозёрова М. В. Социальные институты черкесов в оценках региональной историографии 2000-х годов // Археология и этнография Кавказа и Крыма. – СПб., 2017. – С. 139–141.
5. Венюков М. И. К истории заселения Западного Кавказа. 1861–1863 годы // Рус. старина. – 1878. – Июнь. – Кн. VI.

6. Гарданов В. Х. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX века). – М., 1967.
7. Дубровин Н. Ф. Кавказ и народы, его населяющие. – М.: Кучково поле, 2016. – Кн. I. Кавказ. – 648 с.
8. Дьячков-Тарасов А. Н. Абадзехи // Зап. Кавказ. отд. Император. рус. геогр. о-ва. – Тифлис, 1902. – Т. 22, вып. 1. – С. 1–33.
9. Кавказская цивилизация [Электронный ресурс]. – URL: <https://sites.google.com/site/civilizacium/home/civilizacium/kavkazskaa-civilizacia> (дата обращения: 18.01.2018).
10. Клинген И. Н. Основы хозяйства в Сочинском округе. – СПб., 1897.
11. Лавров Л. И. Убыхи. – СПб., 2009. – 236 с.
12. Нагучева Н. К. Социально-политическая борьба в адыгском обществе XVIII – первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Майкоп, 2005.
13. Садовой А. Н. Традиционная культура и природопользование (автохтонное население Черноморского побережья Кавказа в XIX веке) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – Кемерово, 2015. – № 32. – С. 13–25.
14. Садовой А. Н., Белозёрова М. В., Агарков Ю. В., Пименова В. В. Отчет о научно-исследовательской работе «Разработка методов экспертной оценки и прогноза качества жизни населения» (№ гос. регистрации 114100740110). – Сочи: Сочин. науч.-исслед. центр РАН, 2014. – 88 с.
15. Торнау Ф. Ф. Воспомятая кавказского офицера. – М.: АРИО-XXI, 2017. – Ч. 1. – 448 с.
16. Фадеев А. В. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Ист. сб. – Ленинград, 1935. – № 4.
17. Хаширов М. Ю. Адыгское крестьянство в годы Кавказской войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 2000.
18. Черноус В. Кавказская горная цивилизация как субъект цивилизационно-культурного взаимодействия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/10/14/kavkazskaja-civilizacija-subekt-civilizacionno-kulturnogo-vzaimodejstvia.html> (дата обращения: 22.01.2018).
19. Чирг А. Ю. Общественно-политический строй адыгов Северо-Западного Кавказа (Конец XVIII – 60-е годы XIX века): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Майкоп, 2003.
20. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: ист. очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. – Майкоп, 1993. – 121 с.

References

1. Belozerova M.V. K probleme rossijsko-cherkesskogo vzaimodeystviya i formirovaniya etnicheskoj identichnosti: XIX – nachalo XXI veka [To the problem of Russian-Circassian interaction and formation of ethnic identity: XIX – the beginning of the XXI century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], 2015, no. 32, pp. 26-33. (In Russ.).
2. Belozerova M.V. Nekotorye aspekty khozyaystvennoy adaptatsii perese-lentsev v Chernomorskom okruge (XIX – pervaya tret' XX stoletiya) [Some aspects of economic adaptation of migrants in the Black Sea district (XIX – the first third of the twentieth century)]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv* [Ecology of ancient and traditional societies]. Tyumen, Tyumen State University Publ., 2016, iss. 5, part 2. 242 p. (In Russ.).
3. Belozerova M.V. Nekotorye sobytiya Russko-Kavkazskoy voyny 1817-1864 godov v seti Internet: mify i real'nost' [Some events of the Russian-Caucasian war of 1817-1864. in the Internet: myths and reality]. *Reklama i svyazi s obshchestvennost'yu: traditsii i innovatsii* [Advertising and public relations: traditions and innovations]. Rostov-on-Don, FGBOU VPO RGUPS Publ., 2014, pp. 90-102. (In Russ.).
4. Belozerova M.V. Sotsial'nye instituty cherkesov v otsenkakh regional'noy istoriografii 2000-kh godov [Social institutions of the Circassians in the assessments of regional historiography of the 2000s]. *Arkheologiya i etnografiya Kavkaza i Kryma* [Archeology and Ethnography of the Caucasus and Crimea]. St. Petersburg, 2017, pp. 139-141. (In Russ.).
5. Venyukov M.I. K istorii zaseleniya Zapadnogo Kavkaza. 1861-1863 gody [On the history of the settlement of the Western Caucasus. 1861-1863 years]. *Russkaya Starina* [Russian antiquity], 1878, June, Book VI. (In Russ.).
6. Gardanov V. Kh. *Obshchestvennyy stroy adygsikh narodov (XVIII – pervaya polovina XIX veka)* [The social structure of the Adyge peoples (XVIII – first half of the XIX century)]. Moscow, 1967. (In Russ.).
7. Dubrovin N.F. *Kavkaz i narody, ego naselyayushchie* [Dubrovin NF The Caucasus and its peoples inhabiting]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016. Book I. Caucasus. 648 p. (In Russ.).
8. Dyachkov-Tarasov A.N. Abadzexi [Abadzehi]. *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Tiflis, 1902, vol. 22, iss. 1, pp. 1-33. (In Russ.).

9. *Kavkazskaya tsivilizatsiya [The Caucasian civilization]*. (In Russ.). Available at: <https://sites.google.com/site/civilizacium/home/civilizacium/kavkazskaa-civilizacia> (accessed 18.01.2018).
10. Kligen I.N. *Osnovy khozyaystva v Sochinskom okruge [Fundamentals of the economy in the Sochi district]*. St. Petersburg, 1897. (In Russ.).
11. Lavrov L.I. *Ubykhi [Ubyshi]*. St. Petersburg, 2009. 236 p. (In Russ.).
12. Nagucheva N.K. *Sotsial'no-politicheskaya bor'ba v adygskom obshchestve XVIII – pervoy poloviny XIX veka: avtoref. dis. kand. ist. nauk [Socio-political struggle in the Adygeyan society XVIII – first half of the nineteenth century. Author's abstract of diss. PhD in History]*. Maykop, 2005. (In Russ.).
13. Sadovoy A.N. Traditsionnaya kul'tura i prirodopol'zovanie (avtokhtonnoe naselenie Chernomorskogo poberezh'ya Kavkaza v XIX veke) [Traditional culture and nature management (autochthonous population of the Black Sea coast of the Caucasus in the nineteenth century)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2015, no. 32, pp. 13-25. (In Russ.).
14. Sadovoy A.N., Belozerova M.V., Agarkov Yu.V., Pimenova V.V. *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote "Razrabotka metodov ekspertnoy otsenki i prognoza kachestva zhizni naseleniya" (№ gos. registratsii 114100740110). [Report on the research work "Development of methods for expert appraisal and forecasting the quality of life of the population" (State Registration No. 114100740110)]*. Sochi, Sochinskiy nauchno-issledovatel'skiy tsentr RAN Publ., 2014. 88 p. (In Russ.).
15. Tornau F.F. *Vospominaya kavkazskogo ofitsera [Recalling the Caucasian officer. Part one]*. Moscow, ARIО-XXI Publ., 2017, part 1. 448 p. (In Russ.).
16. Fadeev A.V. *Ubykhi v osvoboditel'nom dvizhenii na Zapadnom Kavkaze [Ubykhs in the Liberation Movement in the Western Caucasus]*. *Istoricheskiy sbornik [Historical Collection]*. Leningrad, 1935, no. 4. (In Russ.).
17. Khashirov M.Yu. *Adygsкое krest'yanstvo v gody Kavkazskoy voyny: avtoref. dis. kand. ist. nauk [Adyge peasantry in the years of the Caucasian War. Author's abstract of diss. PhD in History]*. Nalchik, 2000. (In Russ.).
18. Chernous V. *Kavkazskaya gornaya tsivilizatsiya kak sub'ekt tsivilizatsionno-kul'turnogo vzaimodeystviya [Caucasus Mountain Civilization as a Subject of Civilizational and Cultural Cooperation]*. (In Russ.). Available at: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/10/14/kavkazskaja-civilizaciya-subekt-civilizacionno-kulturnogo-vzaimodejstvia.html> (accessed 22.01.2018).
19. Chirg A.Yu. *Obshchestvenno-politicheskiy stroy adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza (Konets XVIII – 60-e gody XIX veka): avtoref. dis. doktora ist. nauk [The socio-political system of Adygs of the North-Western Caucasus (End of the XVIII – 60th of the XIX century). Author's abstract of diss. Dr. of Historical Sciences]*. Maykop, 2003. (In Russ.).
20. Esadze S. *Pokorenie Zapadnogo Kavkaza i okonchanie Kavkazskoy voyny: istoricheskiy ocherk Kavkazsko-gorskoy voyny v Zakubanskom krae i Chernomorskom poberezh'e [The Conquest of the Western Caucasus and the End of the Caucasian War. A historical sketch of the Caucasus-Mountain War in the Zakubansky Krai and the Black Sea coast]*. Maykop, 1993. 121 p. (In Russ.).

УДК 138.2

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Золотухин Владимир Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и социальных наук, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово, РФ). E-mail: zvm64@mail.ru

Статья посвящена анализу социально-философского и культурологического аспектов рассмотрения экономического поведения в российской ментальности. Подчеркивается что многообразие различных национальных стереотипов поведения, в том числе экономического зависит от динамики развития и/или трансформации различных типов ментальностей в рамках российской государственности. Анализируются различные подходы к определению экономического поведения как с точки зрения раскрытия человеческого потенциала через систему ценностных стереотипов, так и саму деятельность